

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1166-1174. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1166
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"The Case of the Loss of the Russian Peasant Settlers in the Steppe Region of Religious and Moral and National Character": the Position of the Russian Orthodox Church (end of XIX – beginning of XX centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

In article on the basis of documents administration of the Orenburg, Omsk and Turkestan dioceses, as well as legal sources – decisions of the Holy Synod examines the position of the Russian Orthodox Church on the question of reducing the role of Orthodoxy in the everyday life of Russian peasants-immigrants. This social phenomenon emerged in the 80-90-ies of the XIX century and was connected with the beginning of mass migration of Russian peasants-settlers in the Steppe region. According to the Church, the reasons for the mass acculturation of the Kazakhs of Russian immigrants and their transition from Orthodoxy to Islam were: low level of religious literacy of immigrants, the absence in the region developed the parish and Church-school system, a small number of temples and churches, training priests, the presence of the region's largest old believer and sectarian centers. To prevent further acculturation of Russian immigrants Kazakhs and enhance their moral and religious level, by the diocesan authorities of the Steppe region was the complex of measures, approved by the Holy Synod. He suggested the formation of diocesan Committees for the Church of the life of immigrants, the activity of which was aimed at accelerating the establishment of the parish and the school system, monastic construction. An important area of work of the Russian Orthodox Church in solving the problem of increasing religious knowledge among the peasant population of the Steppe region was targeted religious propaganda related to the development of a network of parish libraries, conducting interviews, Liturgy and "polemical" talks, readings, distribution of religious literature of Orthodox subjects, opening Sunday courses for adults.

Keywords: the Russian Orthodox Church, the Steppe region, Russians, Kazakhs, inter-ethnic relations, acculturation.

1. Введение

В современной российской историографии признается тезис о том, что аграрная колонизация являлась важным компонентом имперской политики России, а крестьянство – эффективным ее проводником (Лурье, 1997: 161–169; Шиловский, 2001: 14; Яковенко, 1999: 103). Политической элитой страны она воспринималась как необходимое дополнение военной экспансии. Поэтому стихийный и хаотичный процесс крестьянского движения на Восток, начиная с XIX в., был поставлен под контроль государства: его потоки стали регламентироваться законодательно и направляться в нужное русло. Крестьянская миграция в Азиатскую Россию была призвана содействовать сохранению государственного единства посредством укрепления национальных окраин «русским элементом» и, таким образом, минимизации инонациональной угрозы. Второй, не менее важной задачей, признавалась необходимость создания общего цивилизационного пространства Российской империи,

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

которая актуализировалась с 1860-х гг. в связи с завершением формирования ее территории. Комплекс мероприятий, предпринятых государством и получивших название «политики русификации», был направлен на расширение коммуникационных возможностей российского общества и создание суперэтнуса – российской нации – на основе идеологемы «самодержавие, православие, народ». Русскому языку в ней отводилась роль языка модернизации и межэтнического взаимодействия, Русской православной церкви – духовной скрепы этнорегионов для «утверждения истинно христианского начала», русскому народу – роль культуртрегера, образчика русско-православного образа жизни. И как справедливо отмечал А. Ремнев, крестьянская колонизация являла собой «сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациестроительства, что должно было обеспечить России большую стабильность и дать ей национальную перспективу» (Ремнев, 2013: 98).

Степной край, как составная часть Азиатской России, стал рассматриваться политической элитой в качестве перспективного для аграрной колонизации региона с 70–80-х гг. XIX в. Цивилизаторская миссия русского крестьянства и связанные с ней русификаторские мероприятия государства были нацелены на оседание казахов-кочевников, приобщение их к земледельческому труду, заимствование ими культурно-бытовых норм и правил традиционной русской культуры и освоение русского языка. Идеологическое воздействие на этническое самосознание казахов должна была оказывать Русская православная церковь посредством развития миссионерской деятельности.

Однако подчеркнем, что в процессе хозяйственного освоения Сибири и Степного края на протяжении XVII–XIX вв. русское крестьянство оказалось в совершенно новой для себя экологической, экономической и социально-культурной ситуации. Адаптация и выработка новых форм системы жизнеобеспечения в инокультурной среде сопровождалась мощными процессами межэтнической коммуникации и объективно способствовали взаимной аккультурации, а в некоторых случаях – ассимиляции русских аборигенным населением. Классическим примером может служить этническая сепарация, приведшая к формированию нового «этнографического типа», «своеобразного народно-областного типа» русских – сибиряка. Его описанию уделялось огромное внимание в этнографической литературе конца XIX – начала XX вв. (Головачев, 1902: 147; Ядринцев, 2003: 97; Россия. Полное географическое..., 1903: 228–229). Уникальность ситуации определялась тем, что аккультурация русских в Сибири и на Дальнем Востоке проходила в условиях их численного преобладания над автохтонами: в регионе к концу имперского периода русские и украинцы составляли более 87 % населения. В Степном же крае они представляли этническое меньшинство: по данным Первой Всероссийской переписи населения, в конце XIX столетия в пределах Тургайской области проживало 37193 православных (8,2 %), Уральской – 107587 (16,7 %), Акмолинской – 167926 (41,3 %), Семипалатинской – 67620 (9,9 %), Семиреченской – 96741 (9,8 %). Это вызывало у светских и духовных властей опасение в возможности более масштабной аккультурации русских казахами. И действительно, начиная с 70–80-х гг. XIX в. в ежегодных отчетах Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий, распространявших юрисдикцию на территорию Степного края, и в отчетах Киргизских (казахских – *авт.*) православных миссий приводились многочисленные факты, свидетельствующие о начале данного процесса (Лысенко, 2010: 71–73). В представленной статье выявляются тенденции межэтнической коммуникации русских крестьян-переселенцев и казахов Степного края, их оценки Русской православной церковью и анализируется политика Церкви, направленная на предотвращение аккультурационного воздействия казахов на русских.

2. Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает теория межэтнической коммуникации, в рамках которой межэтническое взаимодействие понимается как разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп. Межкультурное взаимодействие может принимать различные формы: воздействие, то есть преимущественно одностороннее, однонаправленное влияние одной общности на другую; содействие, когда два или несколько этносов вступают в этническое взаимодействие на равных началах, оказывая помощь и поддержку друг другу; и, наконец, противодействие – блокирование позиций одного этноса другим, активное противостояние, вплоть до открытого конфликта. Вполне очевидно, что различные формы межэтнических контактов имеют различные результаты – от адаптации и ассимиляции до дискриминации и сегрегации (Крысько, 2002: 175).

Данный исследовательский подход актуален при изучении межкультурных процессов в полиэтнических регионах Российской империи, одним из которых являлся Степной край. На протяжении XVIII – начала XX вв. его территории, населенные преимущественно казахскими племенами, активно осваивались восточнославянским этносом. В результате здесь проходили мощные процессы межкультурной коммуникации, конкретное содержание которых корректировалось имперскими установками национальной/этнической политики. Среди конкретно-исторических методов, использованных в данной статье, – историко-генетический метод, позволивший определить причины и факторы направленности межэтнической русско-казахской коммуникации; историко-системный метод, в рамках которого анализ рефлексии РПЦ на характер и

формы межэтнического взаимодействия народов Степного края проводится во взаимосвязи с общегосударственными подходами к проблеме русской крестьянской колонизации азиатских окраин Российской империи.

Материалами для анализа политики Русской православной церкви в Степном крае, направленной на координацию форм межэтнического взаимодействия русского переселенческого и коренного казахского населения, в первую очередь, послужили материалы делопроизводства Синода и региональных православных епархий – Омской, Оренбургской и Туркестанской. Среди них: переписка Синода и региональных церковных структур как между собой, так и с местными органами государственной власти; ежегодные епархиальные отчеты о состоянии епархий; отчеты различных епархиальных организаций – Киргизских миссий, Комитетов по устройству религиозного быта переселенцев, общественных организаций религиозно-просветительской направленности. Основная часть делопроизводственной документации выявлена в РГИА и впервые вводится в научный оборот.

3. Обсуждение

В отечественной историографии значительное внимание изучению процессов межкультурной коммуникации в Азиатском регионе Российской империи уделяли дореволюционные исследователи (Головачев, 1902; Россия. Полное географическое..., 1903; Ядринцев, 2003). Крестьянскую колонизацию они оценивали как важный механизм выполнения Россией исторической миссии: приведение к состоянию цивилизованности посредством приобщения к европейской культуре «инородцев» Сибири и создание условий для их прогресса. На протяжении XVII – середины XIX вв. характер межэтнического взаимодействия русских переселенцев с аборигенным населением Сибири сопровождался, по мнению большинства исследователей, ассимиляционными процессами, связанными с формированием «нового этнографического типа» – сибиряка. Н.М. Ядринцев, например, был убежден, что попытки ограждения государством русского населения от метисации были фактически невозможны (Ядринцев, 2003: 97). По мнению В.П. Семенова-Тянь-Шанского, глубина этих процессов имела вариативность и была различной: «от сохранения многоподлинной народной старины до тех последних вариаций типа, где полузабывается самый родной язык». К числу причин, приведших к ассимиляции русских, исследователи называли особенности новой для них экологической среды проживания и национального характера, менталитета русских, открытого для взаимодействия и взаимовлияния с иноэтничным окружением.

Дореволюционные исследователи считали, что массовая крестьянская миграция в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. значительно активизировала интенсивность межэтнических контактов, породила весьма разнообразные практики межкультурной коммуникации и изменила направленность ассимиляционных процессов. Среди последних стала преобладать аккультурация русскими коренного населения, что выразилось в трансформации традиционной системы жизнеобеспечения инородцев, переходу их к более «прогрессивным формам хозяйствования, связанным с ведением земледельческого хозяйства и развитием ремесленного производства» (Россия. Полное географическое..., 1903: 249). В контексте анализа межэтнической ситуации в Азиатской Российской империи значительный пласт дореволюционных исследований был посвящен изучению процессов русско-казахского взаимодействия (Катанаев, 1904; Потанин, 1867; Потанин, 1884; Шмурло, 1995).

В советской историографии вопросам межэтнического взаимодействия народов Российской империи уделялось ограниченное внимание. Господствовавшая теория классовой борьбы как основы прогресса общества позволяла рассматривать различные аспекты взаимодействия народов России исключительно в контексте их совместной борьбы против самодержавия. В условиях провозглашенного атеизма многовекторная деятельность РПЦ в советской историографии также не стала предметом специального исследования.

В новейшей историографии преобладающими стали тенденции по актуализации исследований, посвященных деятельности Русской православной церкви. Значительный интерес вызывают вопросы, связанные с историей епархиального строительства, православного духовенства, внутриконфессиональных отношений, взаимоотношений РПЦ со старообрядчеством и сектантством, ее миссионерской деятельности (Зольникова, 1990; Малютина, 2001; Старухин, 1997; Устьянцева, 2003). Деятельность РПЦ по сохранению этнической идентичности русских крестьян-переселенцев в историографии фактически не освещалась. Представленная статья являет собой попытку восполнить существующий пробел.

4. Результаты

Вопрос об утрате русскими крестьянами-переселенцами Степного края религиозно-нравственного облика был поставлен Русской православной церковью в начале 90-х гг. XIX в. Именно в этот период ею были озвучены данные о результатах поездки по уездам Тургайской области священника Ф. Соколова, совершившего ее по поручению Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1892–1893 гг. Знание Ф. Соколовым казахского языка позволило ему в ходе поездки посещать казахские аулы, проводить опросы казахского населения и,

на наш взгляд, в конечном итоге достаточно объективно отразить в предоставленном отчете тенденции региональных межэтнических процессов.

Полученные Ф. Соколовым сведения свидетельствовали о массовой культурной и религиозной аккультурации православного переселенческого крестьянства казахами-мусульманами. Главной их причиной священник считал стихийность крестьянской миграции и нерешенность, в связи с этим, вопроса землеустройства переселенцев. Поэтому, по его мнению, в процессе адаптации переселенцы были вынуждены искать новые источники для существования – наниматься на работу к зажиточным казахам или арендовать у них земли, попадая, таким образом, в экономическую зависимость (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1426. Л. 72). Проживая по много лет в аулах и работая в казахских хозяйствах, они со временем утрачивали этническую идентичность и подвергались религиозной аккультурации.

В подтверждение своих выводов Ф. Соколов приводил в отчете о поездке многочисленные свидетельства «окиргизивания» русских крестьян-переселенцев, с указанием фамилий семей, мест и времени их проживания в казахских аулах, степени и глубины аккультурации. Помимо заимствований в культурно-бытовой сфере («дом их чисто мусульманский – впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел), и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной из пшеничной крупы, называемой по-киргизски «коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской»; «с бритой головой и в тубетейке»), Ф. Соколов приводил данные о трансформации религиозного сознания переселенцев («не знали ни поста, ни среды, ни пятницы», «икону же, по их рассказам, еще во время жизни их у киргиза Батюки в Казан-Басах искололи киргизы..., когда все семейство Сухоруковых было на пашне»; «в комнате его нет икон и, садясь обедать, Богу не молится») (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. 1. Д. 1426. Л. 640б–730б.). По его мнению, наиболее уязвимыми в сложившейся ситуации оказались подростки и дети, которые, родившись и социализируясь в инокультурной среде, не только «росли в полном неведении своей веры родной, но и народности и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них, лет 16–17, не знаю молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках и вообще не отличаются от киргизят». Приводились им данные и об обучении русских детей у мулл «магометанскому вероучению» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183а. Л. 200б–120б.). Одним из массовых явлений межэтнической коммуникации русских переселенцев и казахов, по свидетельству Ф. Соколова, стали межэтнические браки. Русские женщины и девицы, «которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах, ... сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183а. Л. 2670б.).

Информация, предоставленная священником Ф. Соколовым о падении религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев Тургайской области, подтверждалась аналогичными сведениями епархиальных властей Омской и Туркестанской епархий. В одном из номеров, например «Туркестанских епархиальных ведомостей», отмечалась «страшная развращенность туземцев, сравнительно богатая и беспечная жизнь у них, благодаря земельным и имущественным угодьям, бездеятельная гаремная жизнь, потому что туземные женщины ничего не делают, а все доставляют мужья – все это начинает нравиться русской женщине, и она чувствует себя прекрасно, забывая, что попала в губительный рай» (ТЕВ. 1913. 15 авг. № 15. С. 343).

Информация о религиозно-нравственном положении русских крестьян-переселенцев Тургайской области, представленная в отчете о поездке Ф. Соколовым, вызвала широкий резонанс среди епархиальных властей и членов Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Его отчет о поездке был заслушан на одном из заседаний Епархиального комитета с приглашением представителей региональной администрации. К этому времени в канцелярии военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша уже находилась докладная записка чиновника особых поручений Мацуревича, в которой сообщалось о том, что в казахских аулах Николаевского уезда Тургайской области проживает около 5000 русских крестьян-переселенцев, арендующих землю у казахов. В записке подчеркивалось, что живут они «в тесной связи с киргизами, благодаря чему жены и дочери их имеют детей от киргизов, сами же поселенцы бреют свои головы, носят киргизские халаты, ездят с ними за исключением некоторых, на баранту, воровство и разбой и, наконец, по утверждению местного духовенства, не выполняют обрядов христианской религии, как то: не приводят детей к таинству Святого крещения, к умершим не приглашают для отпевания священнослужителей и живут многие без совершения над ними Святого таинства бракосочетания» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 14–140б.).

Последовавшее в октябре 1893 г. расследование сложившейся ситуации, проведенное по поручению военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша, не подтвердило информации о массовой утрате русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального облика». В отчете о результатах проверки начальник Николаевского уезда Тургайской области доносил, что переселенцы «ведут совершенно самостоятельную жизнь, нисколько не зависящую от влияния киргиз, тем более совместная их жизнь составляет общий интерес в течение сравнительно очень короткого времени, т.е. тогда, когда русские занимаются у киргиз посевом и уборкою хлебов, по окончании же – все разъезжаются по русским селениям, где большинство из них имеют собственные дома и весьма немногие остаются зимовать в аулах, но и те, как мне известно, часто ездят в

ближайшие русские селения, имеющие церкви и молитвенные дома, для исполнения христианских обрядов» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 9–10).

Тем не менее региональные органы власти и Церковь не могли оставить без внимания пока еще не массовые случаи аккультурации русского переселенческого крестьянства казахами. Наметившаяся тенденция в межэтнических процессах, безусловно, рассматривалась как вызов, препятствующий реализации государственных задач аграрной колонизации Степного края. Проблема принимала существенную угрозу на фоне появившихся на рубеже XIX–XX вв. общественных обвинений в адрес казаков Сибирского казачьего войска в утрате ими «русскости» и неспособности к реализации культуртрегерских задач, оказании «русского влияния» на казахское население. Преосвященный Сергей, епископ Омский и Семипалатинский, в отчете о состоянии епархии за 1902 г., в частности, подчеркивал: «Сибирские казаки и крестьяне-старожила до сих пор к религии относятся холодно: они редко посещают богослужение, не чувствуют не только привязанности, но и даже расположения к Храму Божьему, они очень неохотно исполняют христианский долг исповеди и святого причастия, а к обрядам православной церкви относятся почти безразлично, ...большинство ходят в храм раза три-четыре в год». В доказательство приводились следующие данные: из общего числа православного населения епархии в 788094 человека в 1902 г. исповедь и святое причастие исполняли лишь 57 %, исповедовались, но не причащались 0,7 % (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 23–24).

Последующие несколько лет епархиальные власти Степного края занимались выявлением причин утраты русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального облика». Данный вопрос обсуждался на заседаниях Консисторий Оренбургской, Омской, Туркестанской епархий; так или иначе к анализу сложившейся ситуации обращались архиепископы в своих ежегодных отчетах о состоянии епархий; привлекались к ее обсуждению и приходские священники, которым предлагалось высказывать мнение по ряду аспектов развития церковно-приходской жизни епархий Степного края.

К началу XX в. епархиальными центрами Степного края были определены узловые факторы, оказывавшие отрицательное воздействие на религиозную составляющую жизни русского переселенческого крестьянства. К их числу они относили, прежде всего, незавершенность институционального оформления Омской, Туркестанской епархий, слабый охват ими уездов и областей региона церковно-приходской и церковно-школьной системой, незначительное количество православных храмов и профессионально подготовленных приходских священников. Проблемы социально-культурной адаптации крестьян-переселенцев усугублялись недостатками функционирования имевшихся церковно-приходских школ. Главными из них являлись смещение акцентов в преподавании с религиозной тематики на светскую, низкий уровень подготовки преподавательских кадров, слабая материально-техническая оснащенность школ.

В первые годы XX столетия к епархиальным властям Степного края пришло понимание того, что основная масса православного крестьянства, переселявшаяся из Европейской части Российской империи, уже имела низкий уровень религиозной грамоты, культурно-нравственного воспитания и потому демонстрировала полное равнодушие к религиозной составляющей своего быта. Начальник Киргизской православной миссии Омской епархии епископ Киприан в 1908 г. писал: «К великому удивлению переселенцы, киевские и черниговские крестьяне, эти выходцы из «святых» губерний, представляют из себя сырой материал едва ли не полной религиозной неразвитости: они не знают главных молитв, ... исповедоваться не умеют, ... в церкви стоять не умеют... К этому религиозному невежеству нужно прибавить общую умственную темноту» (ОЕВ. 1909. 15 мая. №10. С. 40–41). Данным фактом успешно пользовались старообрядческие и сектантские миссионеры, активно осваивавшие Степной край в период Столыпинской аграрной реформы.

Становилось очевидным, что необходима реализация комплекса мер, направленных на повышение религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев. В связи с этим решением Синода от 7 мая 1907 г. «О порядке учреждения новых приходов в Азиатской России» в азиатских епархиях Российской империи, в том числе Омской, Оренбургской и Туркестанской, учреждались Епархиальные комитеты по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев. В их состав входили как духовные, так и светские власти: в качестве председателя – епархиальный архиерей, членов – губернаторы областей, управляющие государственным имуществом, заведующие переселенческими районами, губернские архитекторы. Задачей данных Комитетов провозглашалось проектирование переселенческих участков с параллельным проектированием строительства церковно-приходских церквей и школ. Данный проект оказался беспрецедентным по времени реализации (1907–1916 гг.) и объему государственных инвестиций: Синод, учитывая экономическую несостоятельность крестьян-переселенцев, постановил открывать приходы в Азиатских епархиях «без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных для сего условий» и возложил финансирование проекта на государство (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–20б.).

Анализ протоколов заседаний Комитетов по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий позволяет сделать вывод о том, что их работа осуществлялась в нескольких направлениях, главным из которых было формирование новых приходов на территории областей, определение их границ, состава населенных пунктов. Этому предшествовала огромная подготовительная работа: собирались данные о численности населенных

пунктов, расстояние между ними, изучались возможности увеличения количества населения в них, перспективы и экономический потенциал, обыгрывались варианты объединения поселков в рамках того или иного прихода. Затем составлялся общий проект открытия новых приходов в области, который отправлялся в Синод на утверждение. В результате, например, в Туркестанской епархии с 1908 по 1914 гг. число приходов возросло с 78 до 161; в Омской епархии за этот же период их количество увеличилось с 92 до 288 (Лысенко, 2014: 387–391).

Параллельно с открытием новых приходов Епархиальными комитетами была организована работа по церковно-школьному строительству. Учитывая то обстоятельство, что объемы строительства предполагались масштабные, а финансовые возможности государства ограничены, было принято решение о вариативности строительства церквей и школ. Так, в приходах Семиреченской области предлагалось возведение помещений, функционально предназначавшихся сразу и для церковных мероприятий, и для организации церковно-школьного образования, так называемых церквей-школ. Местный Епархиальный комитет исходил из того, что со временем, когда переселенцы окрепнут экономически и смогут построить на свои средства новые, более просторные и дорогие церкви, церкви-школы в этих приходах станут использоваться только как школьные помещения. В приходах с незначительным количеством православного населения предлагалось сооружение молитвенных домов. Таким образом, стоимость проекта одного здания варьировала от 3 до 5 тыс. рублей.

Представить размеры государственных вложений на реализацию плана позволяют данные, например, за 1911 г. (в руб.) (ЦГА РК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8об.).

Таблица 1. Объемы финансовых вложений в церкви и школы Степного края

епархия	причтовые дома	церкви	молитвенные дома	школы	всего
Уральская область Уфимской епархии	16000	17500		22000	55500
Оренбургская епархия	4500			5000	9500
Омская епархия	42000		55000	33000	130000
Туркестанская епархия	11000	46000		5000	62000
всего	73500	63500	55000	65000	257000

Не менее важным направлением деятельности Русской православной церкви в Степном крае в начале XX вв. стала широкоформатная пропагандистская работа, направленная на возвышение в верующих «спасительных истин веры и нравственности», «пробуждение в казачестве и крестьянстве любви к вере путем раскрытия ему значения христианской нравственности для «устроения истинного счастья человека» (ОрЕВ. 1886. 1 мая. № 9. С. 272). Первостепенное значение в ней отводилось церковной проповеди как основной форме религиозно-нравственного воспитания. Епархиальные власти Степного края обязывали священников вводить в содержание проповеди рассмотрение теоретических вопросов богословия, следить за религиозно-нравственным состоянием клира и ежегодно предоставлять отчеты – клировые и исповедальные ведомости, указывать в них причину уклонения прихожан от проповеди и исповеди (ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3).

В рамках решения задачи повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Степного края в 1902 г. по указу Синода епархиальному начальству была поручена организация в приходах «в дни воскресные и праздничные после богослужений катехизических бесед» (ОЕВ. 1902. 1 апр. № 7. С. 1–2). В ходе внебогослужебных бесед прихожан знакомили с историей Российской империи, проводились лекции на естественнонаучные темы, дискуссионные вопросы богословия, разъяснялись богослужения, молитвословия, церковные посты. Эту же задачу были призваны решать и публичные или народные чтения, которые проводились, как правило, вне православных храмов: в помещениях городских дум, областных правлений.

В сельских приходах Степного края организация внебогослужебных лекций и публичных чтений встречали определенные трудности, связанные, прежде всего, с низкой посещаемостью и отсутствием помещений для их проведения. Беседы, проводившиеся на базе церковно-приходских школ, не носили систематического характера, а велись «эпизодически, случайно» – один-три раза в год. Несмотря на это, священники епархий подчеркивали значимость и эффективность проведения такого рода мероприятий, их популярность среди населения. Считалось, что внебогослужебные беседы необходимы для «защиты и укрепления в народе православия, преданности престолу», а также расширения общего кругозора населения, поскольку «он (народ – Ю.Л.) до сих пор еще убежден, что земля стоит неподвижно и, пожалуй, скажет, что и на трех китах. Он не знает, что такое солнце, звезды; он не знает «откуда пошла есть русская земля»» (ОЕВ. 1902. 1 авг. № 15. С. 16).

Важным воспитательным моментом в приходах Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий стало создание специальных библиотечных фондов, находящихся в открытом доступе, различных обществ и кружков на базе приходских храмов, распространение православной церковью религиозной литературы (Огурцова, 1999: 105).

Особое значение в вопросе повышения религиозно-нравственного уровня крестьян-переселенцев и их ограждения его от исламской пропаганды придавалось изданию оренбургских, омских и туркестанских «Епархиальных ведомостей». На страницах «Ведомостей», выходявших в разные годы с периодичностью два-четыре номера в месяц, публиковались материалы, обличавшие старообрядчество, сектанство и ислам, разъяснявшие внутреннее содержание православных обрядов, церковных служб, доказывающие необходимость посещения храмов и исполнения религиозных треб. «Епархиальные ведомости» публиковали также поздравительные речи епископов в связи с религиозными праздниками, графики православных праздников, постов, поездок епископов «с целью обозрения епархий».

5. Заключение

Таким образом, начало XX вв. стало периодом активной религиозно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Степном крае. Она была связана с работой Комитетов по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей русских крестьян-переселенцев, под руководством которых осуществлялось массовое церковно-приходское и церковно-школьное строительство, было организовано проведение внебогослужебных бесед, созданы религиозно-просветительские общества и сформированы библиотечные фонды при церквях и церковно-приходских школах.

Главной причиной активизации РПЦ в данном направлении выступали опасения, связанные с возможностью массовой ассимиляции казахами русских крестьян-переселенцев, составивших в результате миграции в Степной край этническое меньшинство. Фиксируемые религиозными и светскими властями региона случаи «утраты русскими религиозно-нравственного и национального облика» рассматривались как угроза реализации задач государственной крестьянско-аграрной колонизации азиатских окраин Российской империи и политике русификации. В то же время представляется, что епархиальные власти Степного края были далеки от глубинного/научного понимания тенденций и последствий межэтнического русско-казахского взаимодействия. Поэтому предпринимаемые Русской православной церковью усилия, направленные на корректировку процесса взаимной аккультурации, не могли дать положительного эффекта в условиях его объективности и закономерности. В большей степени религиозно-просветительская деятельность епархий Степного края способствовала институциональному закреплению позиций РПЦ в религиозном пространстве региона, и в меньшей степени – изменила направленность межэтнического диалога. Косвенно об этом свидетельствует делопроизводственная документация Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий начала XX в., сообщающая о продолжающемся процессе утраты русскими крестьянами-переселенцами «религиозно-нравственного и национального уровня», несмотря на все прилагаемые усилия со стороны РПЦ.

Литература

- Головачев, 1902 – Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М., 1902. 16 с.
- Головачев, 1902 – Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. 300 с.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области.
- Зольникова, 1990 – Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. 291 с.
- Катанаев, 1904 – Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 201 с.
- Крысько, 2002 – Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002. 191 с.
- Лысенко, 2010 – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в. Барнаул, 2010. 193 с.
- Лысенко, 2014 – Лысенко Ю.А. Русская православная церковь в религиозном пространстве Казахстана: этапы и особенности институционального оформления (XVIII – начало XX вв.) // *Bylye Gody*. 2014. № 3. С. 387–391.
- Лурье, 1997 – Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998. 448 с.
- Малютина, 2001 – Малютина Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Тюмень, 2001. 248 с.
- Огурцова, 1999 – Огурцова Н.В. Система православной религиозной информации на территории Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Омского университета*. 1999. Вып. 3. С. 102–106.
- ОЕВ – Омские епархиальные ведомости.
- ОрЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости.

[Потанин, 1867](#) – Потанин Г.Н. Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863–1864 гг.) Григория Потанина // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1867. Т. 1. 483 с.

[Потанин, 1884](#) – Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11. 370 с.

[Ремнев, 2013](#) – Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX веков // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. 296 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[Россия. Полное географическое..., 1903](#) – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. 479 с.

[Старухин, 1997](#) – Старухин Н.С. Организация и деятельность противораскольнического братства Св. Дмитрия Ростовского (1884–1885) // *Алтайский сборник*. Барнаул, 1997. Вып. 18. С. 58–64.

ТЕВ – Туркестанские епархиальные ведомости.

[Устьянцева, 2003](#) – Устьянцева О.Н. Томская епархия и конце XIX – начале XX вв. Кемерово, 2003. 259 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Шиловский, 2001](#) – Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе Русского государства // *Европейские исследования в Сибири*. Томск, 2001. 230 с.

[Шмурло, 1995](#) – Шмурло Е. Русские и киргизы в долине верхней Бухтармы // Царская колонизация в Казахстане. (По материалам русской периодической печати XIX века). Алматы, 1995. С. 131–154.

[Ядринцев, 2003](#) – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Новосибирск, 2003. 555 с.

[Яковенко, 1999](#) – Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. 221 с.

References

[Golovachev, 1902](#) – Golovachev P.M. (1902). Vzaimnoe vliyanie russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri [Mutual influence of Russian and foreign population of Siberia]. Moscow, p. 16. [in Russian]

[Golovachev, 1902](#) – Golovachev P. (1902). Sibir`. Priroda. Lyudi. Zhizn` [Siberia. Nature. People. Life]. Moscow, p. 300. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvenny`j arxiv Omskoj oblasti [State archive of Omsk region]. [in Russian]

GAOrO – Gosudarstvenny`j arxiv Orenburgskoj oblasti [State Archives of the Orenburg Region]. [in Russian]

[Zol`nikova, 1990](#) – Zol`nikova N.D. (1990). Sibirskaya prihodskaya obshhina v XVIII v. [The Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk, p. 291. [in Russian]

[Katanaev, 1904](#) – Katanaev G.E. (1904). Kirgizskij vopros v sibirskom kazach`em vojske. [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack army]. Omsk, p. 201. [in Russian]

[Kry`s`ko, 2002](#) – Kry`s`ko V.G. (2002). Ètnopsixologiya i mezhnacional`ny`e otnosheniya [Ethnopsychology and international relations]. Moscow, p. 191. [in Russian]

[Lysenko, 2010](#) – Lysenko Yu.A. (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, p. 193. [in Russian]

[Lysenko, 2014](#) – Lysenko Yu.A. (2014). Russkaya pravoslavnaya cerkov` v religioznom prostranstve Kazaxstana: è`tapy` i osobennosti institucional`nogo oformleniya (XVIII – nachalo XX v.). [Russian Orthodox Church in religious space of Kazakhstan: stages and features of institutional registration (XVIII – the beginning of the XXh century)] // *Bylye gody*. №3. p. 387–391. [in Russian]

[Lure, 1997](#) – Lure S.V. (1997). Istoricheskaya è`tnologiya. [Historical ethnology]. Moscow, p. 448. [in Russian]

[Malyutina, 2001](#) – Malyutina G.Sh. (2001). Missionerskaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Missionary activity of The Russian Orthodox Church in Northwest Siberia (XIX – beginning of XX century)]. Tyumen, p. 248. [in Russian]

[Ogurczova, 1999](#) – Ogurczova N.V. (1999). Sistema pravoslavnoj religioznoj informacii na territorii Omskogo Priirty`sh`ya v konce XIX – nachale XX veka [The system of orthodox religious information in the territory of the Omsk Priirtyshje at the end of XIX – the beginning of the 20th century] // *Vestnik Omskogo universiteta*, Vip. 3, pp. 102–106. [in Russian]

OEВ – Omskie eparxial`ny`e vedomosti [Omsk diocesan sheets]. [in Russian]

OrEV – Orenburgskie eparxial`ny`e vedomosti [Orenburg diocesan sheets]. [in Russian]

[Potanin, 1867](#) – Potanin G.N. (1867). Zimnyaya poezdka na ozero Zajsan (zimoy 1863–1864 gg.) Grigoriya Potanina [Winter trip to the lake Zaysan (winter of 1863–1864) of Grigory Potanin] // *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. Sankt-Peterburg, T.1, p. 483. [in Russian]

[Remnev, 2013](#) – Remnev A. (2013). Vdvinut` Rossiyu v Sibir`: imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka [To move Russia into Siberia: the empire and the Russian colonization of the second half of XIX – the beginning of the 20th century] // *Region v istorii imperii. Istoricheskie è`sse o Sibiri*. Moscow, p. 296. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Rossiya. Polnoe geograficheskoe..., 1903 – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkix lyudej [Complete geographical description of our fatherland. The reference and road book for the Russian people]. T. 18, Kirgizskij kraj. St. Petersburg, 1903, p. 479. [in Russian]

Staruxin, 1997 – *Staruxin N.S.* (1997). Organizaciya i deyatel'nost' protivoraskol'nicheskogo bratstva Sv. Dmitriya Rostovskogo (1884–1885) [Organization and activity of antidissenting brotherhood of St. Dmitry Rostovsky (1884–1885)]. *Altajskij sbornik*. Barnaul, vyp. 18, pp. 58–64. [in Russian]

TEV – *Turkestanskije eparxial'ny'e vedomosti* [Turkestan diocesan sheets]. [in Russian]

Ustyanceva, 2003 – *Ustyanceva O.N.* (2003). Tomskaya eparxiya i konce XIX– nachale XX v. [The Tomsk diocese and the end of XIX–the beginning of XX century]. Kemerovo, p.259. [in Russian]

CzGA RK – *Central'ny' gosudarstvenny'j arxiv Respubliki Kazaxstan* [Centralna state archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Shilovskij, 2001 – *Shilovskij M.V.* (2001). K voprosu o kolonial'nom polozenii Sibiri v sostave Russkogo gosudarstva [Centralna state archive of the Republic of Kazakhstan]. *Evropejskie issledovaniya v Sibiri*. Tomsk, p. 230. [in Russian]

Shmurlo, 1995 – *Shmurlo E.* (1995). Russkie i kirgizy v doline verxnej Buxtarmy. [Russians and Kyrgyz in the top Bukhtarma's valley]. *Czarskaya kolonizaciya v Kazaxstane. (Po materialam russkoj periodicheskoj pečati XIX veka)*. Almaty, pp. 131-154. [in Russian]

Yadrincev, 2003 – *Yadrincev N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya. [Siberia as a colony]. Novosibirsk, p. 555. [in Russian]

Yakovenko, 1999 – *Yakovenko I.G.* (1999). Rossijskoe gosudarstvo: nacionalnye interesy, granicy, perspektivy. [Russian State: national interests, borders, prospects]. Novosibirsk, p. 221. [in Russian]

«Дело об утрате русскими крестьянами-переселенцами Степного края религиозно-нравственного и национального облика»: позиция Русской православной церкви (конец XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документов делопроизводства Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий, а также законодательных источников – постановлений Святейшего Синода – анализируется позиция Русской православной церкви по вопросу снижения роли православия в повседневной жизни русских крестьян-переселенцев. Данное социальное явление обозначилось в 80–90-е гг. XIX в. и было связано с началом массовой миграции русских крестьян-переселенцев в Степной край. По мнению Церкви, причинами массовой аккультурации казахами русских переселенцев и перехода их из православия в ислам стали низкий уровень религиозной грамоты переселенцев, отсутствие в регионе развитой церковно-приходской и церковно-школьной системы, незначительное количество храмов и церквей, профессионально подготовленных кадров священнослужителей, наличие в регионе крупных старообрядческих и сектантских центров. Для предотвращения дальнейшей аккультурации русских переселенцев казахами и повышения их религиозно-нравственного уровня епархиальными властями Степного края был предложен комплекс мероприятий, утвержденный Священным Синодом. Он предполагал формирование епархиальных Комитетов по устройству церковного быта переселенцев, деятельность которых была направлена на ускоренное создание церковно-приходской и школьной системы, монастырское строительство. Важным направлением работы Русской православной церкви в решении проблемы повышения религиозного знания среди крестьянского населения Степного края стало проведение целенаправленной религиозной пропаганды, связанной с развитием сети приходских библиотек, проведением внебогослужебных собеседований и «полемиических бесед», чтений, распространением религиозной литературы православной тематики, открытием воскресных курсов для взрослого населения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Степной край, русские, казахи, межэтническое взаимодействие, аккультурация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)